

ПОЭЗИЯ ПОСТРЕПРЕССИОНИЗМА

ПОПЫТКА КРИТИЧЕСКОГО ОБЗОРА

Статья опубликована в сетевом журнале "45-я параллель"
http://45parallel.net/poeziya_postpressionizma

Закончившееся в начале 90-х годов влияние Советской власти на российскую литературу имело два последствия: одно явно положительное, а второе – столь же явно отрицательное. О положительном поговорим позже, а вот что касается отрицательного, то его можно определить как «исчезновение элемента гражданственности» - элемента исторически для русскоязычной литературы весьма важного, чтобы не сказать – определяющего.

«Доля народная» в аспекте сострадания к ней, в аспекте осуждения угнетателей, в аспекте призывов к переменам – это одна из составляющих гражданской российской поэзии. Сюда же можно отнести и поэзию сатирическую: ее мишенью опять-таки в подавляющем большинстве случаев становились власти. В этом же аспекте стоит рассматривать и поэзию философскую, утопическую, фантастическую: не менее самих философов ее авторы стремились обозначить для современников контуры светлого (при условии смены власти) или темного (при ее укреплении) будущего.

Реформы, совершавшиеся в России время от времени, характеризовались либо изменениями эволюционными (власть шла на уступки и отменяла, например, крепостное право), либо революционными: вместо бывших «господ» на их место приходили бывшие «слуги». Пафос революционных перемен еще некоторое время создавал «точки напряжения», от которых поэзия заряжалась энергией. Это и деление на «наших» и «не наших», и, как ни относиться к этому иронично, пафос нового строительства и созиданий, и пафос военных противостояний, и, наконец, новая волна протестной поэзии по поводу жесткости цензуры, репрессий и т.п. «Время застоя» дало российской словесности немало блестящих литературных имен. А в связи с «неловкостью» цензуры того времени, среди «признанных» и «разрешенных» авторов оказывались зачастую те, кого потом изгоняли или иным способом репрессировали. Памятны литературные баталии с участием шестидесятников, на смену им пришли семидесятники и восьмидесятники – многие имена и строки того времени на самом деле вошли в «золотой фонд» отечественной поэзии.

Кстати, стоит отметить, что уже Советская власть своей установкой на «уровниловку» практически убила серьезную российскую прозу. Среди прозаиков того времени очень мало имен – в моду вошел жанр документальных мемуаров (более всего военных) и определенный когда-то Германом Гессе в его «Игре в бисер» «жанр фельетона». Конечно, речь идет о прозе шестидесятых – и далее, вплоть до конца века. Это естественно. Серьезная проза требует стабильности в обществе, а «застой» вовсе не был гарантом стабильности. Все ощущали исподволь, что социум ненадежен, конструкции его выстроены более на «честном партийном слове», чем на реальных общественных связях, и какой-то анализ – да еще и в художественной форме – оказывался «замком на песке», рисковал стать однодневкой. Характерно, что в это время в большем, нежели когда-либо ранее, количестве появились на свет прозаические произведения, написанные поэтами: вспомним хотя бы «Путешествие дилетантов» Окуджавы, прозу Владимира Высоцкого, несколько более ранние, но тоже близкие по времени прозаические произведения Александра Галича. Кстати, и проза Василия Аксенова – одного из немногих настоящих прозаиков этого времени – тоже достаточно поэтична по сравнению с прозой конца XIX – начала XX веков.

Во времена нестабильности побеждает поэзия. Ее ритмы объединяют, ее звучание собирает то, что рассыпано, раздроблено, что ищет ориентиров. Она подкупает прежде всего личностным началом: в ней то самое знаменитое «делать жизнь с кого». Право на мнение, право на слово – реализуя эти права, поэт становится заметен в своем поколении, которое «безмолвствует» и мечется в броуновском беспорядке идей, проблем и социального хаоса. Однако, падение власти Советов оказалось совершенно не таким по своему энергетическому заряду, каким его видели «романтики-диссиденты». Выражаясь словами классика, «оковы рухнули», но имена, оставшиеся на «обломках самовластья», читать никто не кинулся. А оставшиеся в живых при социальном взрыве внезапно утратили почву под ногами: бороться стало не с чем, а предложить нечто позитивное обществу они были не готовы.

Общество востребовало не духовного взлета, но пресловутых «пятьсот сортов яиц» (А. Левин. «В зеркале прессы»). И на попытки себя духовно окормить отреагировало вяло: ему хотелось пищи материальной, в которой оно уже 70 лет испытывало большой недостаток. Памятны концерты и выступления того времени. Действительно сильные авторы из кругов, близких к диссидентским, выглядели на сценах растерянными: аудитория откровенно скучала. Выяснилось, что собственно «качество поэзии» слушателя волнует мало – ему нужна «злободневная», а лучше «запрещенная» тематика. Возникло подозрение, что и раньше нужно было то самое, и что попытки подавать блюдо «протестной поэзии» хорошо приготовленным были избыточными. Не в качестве дело. «Хабанеру давай! – примерно так выглядело происходящее.

Анализируя общественные тенденции нескольких последующих периодов (а с момента обрушения советской идеологии прошло уже 20 лет – срок заметный), мы увидим, что с литературой в России вообще (и с поэзией в частности) произошло то же, что и с самим обществом: она рассыпалась и перемешалась. Фактически мы имеем право говорить о «культурной революции», которая прошла хотя и тихо, но с большой кровью: как и после серьезных социальных потрясений, приводящих к смешению общественных слоев, в ней тоже «кухарка пришла править государством».

Давайте поймем, с какими своими устоями рассталось общество – не только формально и законодательно, но и на уровне социальной психологии, войдя в период «нового капитализма».

Прежде всего, умерла сама идеология. И на смену ей не пришло вообще ничего – нельзя же всерьез рассматривать лозунг «обогащайся, кто может» в качестве идеологической платформы? За 70 лет социум успешно доказал свою способность обходиться без 1000-летних церковных устоев и за то же время получил мощную прививку от лозунгов позитивного общественного развития – слишком долго его этими лозунгами шельмовали. Вместо робости перед «органами» пришла ненависть к ним, соединенная с животным страхом за жизнь: на улицу вышел криминалитет. Вот он-то на самом деле обрел свободу и знал, как ей распорядиться. Свобода в обществе принадлежит тем, кто знает, что с ней делать – это закон социального развития. Все остальные получают новую «несвободу» - вернее, новую «упаковку», новую решетку на той же самой клетке, в которой находились и ранее.

Почему идеология «всеобщего равенства и братства» прожила целых 70 лет? Да потому, что все эти годы общество скрупулезно исследовало представленные ему переворотом 1917 года возможности. И наконец пришло к концу списка. Все. Более никакие эксперименты смысла не имеют – мы уже знаем, чего ожидать от государственно-общественного устройства, и мы уже больше ничего от него не ожидаем. Наступила эпоха «новой свободы». И общество опять

приступило к ее исследованию. Периоды развития в этой эпохе напоминают до боли знакомое: времена «военного коммунизма» и «красного террора» весьма сходны с периодами «перестройки – перестрелки – переключки». В том числе, и по количеству жертв сопоставимы. Диктатура олигархов ничуть не отличается от «диктатуры пролетариата». Период, когда прежние «соратники» становятся «врагами народа», уже наступил – правда, несколько менее масштабно по численному составу репрессированных, но все еще только началось – там посмотрим. Что же дальше? А дальше, скорее всего, новый «застой». И новый взлет общественного интереса к поэзии. Что вселяет некий оптимизм.

Однако нельзя на самом деле воспринимать период между прошлым и грядущим «застоями» как период для поэзии российской абсолютно провальный. При всем «литературном безвременье», которым он кажется, в нем, тем не менее, присутствуют явные и очень важные тенденции и потоки – и, по моему глубокому убеждению, – они окажут серьезное влияние на дальнейшее развитие отечественной литературы. Нужно только дать небольшой срок для того, чтобы течения эти «обрели русла», отстоялись, стали осмысленными. Пока же попробуем определить их в том виде, в котором они явлены читателю здесь и сейчас.

Российская литературная идея.

В отличие от любой другой мировой литературы, российская словесность – словесность идейная. Не путайте только «идею» с «идеологией», иначе нетрудно уйти в область профанаций. Идеология может на какое-то время совпадать с идеей, и наоборот, но это пересечение временное, и основываться на нем мы в этой работе не будем. Идеей в российской литературе является квинтэссенция общественных чаяний – реальных чаяний. Не имеющих прямого отношения к ожиданиям «тактическим» и планам «стратегическим». Тактика и стратегия общества направлены более всего на «латание дыр» в государственном устройстве: тактика латает их сиюминутно, а стратегия озабочена тем, чтобы на этом месте дыры более не появлялись. Однако, общество – как это бывает и с индивидуумом – далеко не всегда способно выразить причины собственного недовольства ситуацией. Оно склонно переносить «невыразимое на привычное» - обосновывать свое беспокойство нехваткой продуктов или товаров в торговле, засилием «инородцев», влиянием злых сил, непрофессионализмом власти. Однако, все это – суть симптоматика, тогда как реальная причина общественной «горячки» лежит на гораздо более глубоких слоях подсознания и к конкретике имеет отношение минимальное. Неоднократные попытки как-то «лечить симптомы», приводящие к новым недовольствам на новой почве, - тому доказательство.

Серьезный российский писатель выделить именно главные причины общественного беспокойства в состоянии. Когда социум находится в относительной стабильности (так, несмотря на бунты и войны, самодержавие на Руси продержалось достаточно долго для того, чтобы можно было делать серьезный анализ), создаются предпосылки для проблемной прозы: хрестоматийные пушкинские «Капитанская дочка» и «Повести Белкина», лермонтовский «Герой нашего времени», повесть «Старые годы» Мельникова-Печерского, тургеневский роман «Накануне», «Обломов» Гончарова наряду с «Идиотом» и «Бесами» Достоевского, «Мастером и Маргаритой» Булгакова – все эти и многие другие произведения прозы являются примерами глубокого социально-психологического анализа, касающегося самых «нарывающих» областей российского сознания своего периода. Кстати, я вовсе не по ошибке внес роман Булгакова в общее перечисление: тирания сталинской эпохи вполне укладывалась в общее представление о самодержавии, и построена была во многом на тех же принципах. Что и дало возможность Булгакову проанализировать ее с помощью традиционных «инструментов». Вот дальнейшее развитие общества уже привело к тому, что

инструментарий бывшей российской литературы для его анализа оказался не годен. Там, где ранее работали рентген и скальпель хирурга, потребовались компьютер и гаечный ключ. Общество как институт утратило одушевленность, что и привело к упадку серьезной прозы. С аналогичной проблемой столкнулась и поэзия. Однако, как более «мобильный» жанр литературы она продолжала и продолжает новую идею в обществе искать, и, надо сказать, небезуспешно. Пока рано говорить о результатах, которые станут «вехами», однако кое-какие моменты уже вполне можно констатировать.

Прежде всего, властное влияние на общество новых коммуникационных технологий привело к новому осознанию личного одиночества человека в любом сообществе, к утрате иллюзии возможности компенсировать это одиночество за счет «технических средств», предлагаемых машинной цивилизацией. Необходимость заявить о себе как о личности вылилась вначале в десятки тысяч «домашних страниц», затем в расцвет «чатов», а потом пошла двумя путями: путем «гражданских братских могил», создаваемых социальными сетями, и «творческих братских могил», создаваемых массовыми литературными сайтами. Уже один факт присутствия «имени на памятнике» многим стал лекарством от заброшенности – важно, что данное имя появляется там «не самим тобой написанное» - опосредованно от носителя. Ну и во-вторых, оно дает минимальный шанс на то, что кто-то это имя однажды прочтет и автором заинтересуется.

Серьезная литература на это отреагировала: тематика нового витка человеческого одиночества в техногенной среде звучит в произведениях современных авторов достаточно сильно и заметно. И это – только «обозначение проблемы», но не ее решение. Эпиграфом к этому направлению поэзии могли бы стать слова предисловия к «Герою нашего времени»: «Будет и того, что болезнь указана, а как её излечить — это уж Бог знает!»

У ОТКРЫТОЙ ДВЕРИ ПОЕЗДА

(Сергей КАСЬЯНОВ)

*У открытых дверей
пахнет терпкой свободой,
И закатным ударом
степного былья,
И смешной, как щекотка,
но боязно-бодрой
Мыслью: "Вот под откос бы —
была не была"...*

*Деревянные ручки
трепещут и бьются,
Деревянные ноги сорвутся — и вниз,
Вьются сзади вагоны,
как новые бусы, —
Ты их лучше с горохом
зеленым сравни.*

*Поезд выкипел в день
сквозь туннельное горло,
Где холмы золотые
пушистей котят...
Так гудят небеса,*

*так натружено, гордо,
Словно старые горести
выдуть хотят.*

ЯКОРЬ-ПОДСОЛНУХ
(Наталья БОГАТОВА)

*Когда я удаляюсь от Земли
На расстоянье, равное пространству
Несчетных лет туманно-световых,
Я вижу только маленький подсолнух.*

*Но стоит ему робко отвернуться –
Я потеряюсь в полной темноте.*

Впрочем, есть и направление, «нащупывающее лечение». Новый импульс к развитию всвязи с этим получили стихи, посвященные взаимоотношениям человека с Природой, внутренним переживаниям и глубоким эмоциям, связи процессов, протекающих внутри человека, с деталями окружающего мира. «Все это было и раньше», - скажет читатель. И я соглашусь, но сегодняшняя лирика (лучшая ее часть) намного более привязана к действительности как таковой – она пытается не столько «иначе увидеть» окружающий мир, сколько изменить его, заставить взаимодействовать «правильно» - более гармонично, более осмысленно.

В круг сегодняшней лирической поэзии стало входить куда меньше «общих мест», свойственных веку XIX, куда меньше «общих переживаний», характерных для начала-середины XX века, но зато куда больше «взаимных осмыслений и взаимных связей». Подобно нейронам головного мозга, «мозг» сегодняшней лирики именно связями между ранее несвязуемыми элементами мира и человеческого бытия создает новый архетип мышления. Мышления XXI века. Более быстрого. Свободного от правил, установок и запретов. Внимательного к вибрациям и резонансам в окружающем мире.

* * *

*Брел оборванец по земле
В кругу семи ветров,
Он смачно грелся на золе
Притоптанных костров.
Любил он, глядя на дымок,
Ладоши потирать,
И ничего уже не мог
Он больше потерять.
Господь и царь - из сердца вон...
Любимых - черт побрал!..
И над золой склонялся он,
И как дитя смеялся он, -
Ладоши потирал...*

Юрий ВЛОДОВ

Не менее серьезной тенденцией современной поэзии стал возврат к изначальным ценностям, новое штудирование классического наследия. Помимо своей значимости в качестве

источника аллюзий и ассоциаций, такая тенденция важна уже и потому, что в перенасыщенном «пустой информацией» пространстве современности классика оказалась функциональной: она выполняет задачу ориентира, позволяющего информационные потоки вводить в понятные русла, отделять правду ото лжи, тенденциозность от беспристрастности и т.п. Наши литературные герои прошлого вдруг стали символами забытых обществом ценностей и идеалов: смелости, честности, добра, милосердия, а также и их антиподов. Исторические события древности обрели наконец смысл «аналогов настоящему» - все чаще их используют для того, чтобы понять и предугадать вектора развития каких-то социальных переустройств, понять первопричины новых коллизий.

ИКАР

(Генрих САПГИР)

Скульптор

Вылепил Икара.

Ушел натурщик,

Бормоча: "Халтурщик!

У меня мускулатура,

А не части от мотора".

Пришли приятели,

Говорят: "Банально".

Лишь женщины увидели,

Что это – гениально.

– Какая мощь!

– Вот это вещь!

– Традиции

Древней Греции...

– Сексуальные эмоции...

– Я хочу иметь детей

От коробки скоростей!

Зачала. И в скорости

На предельной скорости,

Закусив удила,

Родила

Вертолет.

Он летит и кричит –

Свою маму зовет.

Вот уходит в облака...

Зарыдала публика.

ТАКОВО

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ

ВОЗДЕЙСТВИЕ

ИСКУССТВА!

И все же, определяя новую российскую литературную идею, я бы обобщил сказанное и сформулировал то общее, что объединяет все имеющиеся тенденции. На мой взгляд, главной литературной идеей сегодняшней отечественной словесности стала мысль: **«Обрети опору в себе»**. Индивидуум как самостоятельная ценность, как творение Бога и значимая часть окружающего мира – это та мысль, которая не посещала авторов со времен Древней Эллады. Так или иначе, жизнь литературного героя привязывалась к реалиям общественного устройства, религиозных или идеологических догм, состояния войны или мира. Но именно

сегодня **«уход от мира в качестве его «винтика» и возвращение к нему с обретением в себе человека»** – идея всепоглощающая. Какими бы жанрами ни пользовался автор, какие бы формы ни использовал для выражения этой идеи, он остается ее апологетом.

ПОЛЕ

(Александр ЛЕВИН)

1

*Вот он постоял да и выбрался в поле.
В поле не качалась рожь да пшеница –
в поле извивалось уравнение Максвелла,
головой качал Учитель Вернадский.*

*В этом ложном поле не было света,
не было и тьмы, но разума куча,
множество сведений о завтрашних скачках,
о паденье акций и смысле триграммы.*

*Поле это не было ни белым, ни чистым,
было оно круглым, сферическим даже.
В нем гуляли мысли Учителя Мао,
песни про любовь и ответы кроссвордов.*

*Там ему сказали, что надо быть светлым,
надо быть стройным и еще позитивным.
Там ему сказали, что за три штуки скидка
и что Учитель Цзонхава удалился в нирвану.*

*Он увидел сны Учителя Сведенборга,
выяснил что рыбы склонны к фанатизму,
узнал почему бананы на рынках Ботсваны
и почему батоны в булочной у рынка.*

*И опять летели мудрые мысли
Учителя Рериха, Учителя Хуана...
Вот он постоял, погулял да послушал,
плюнул в сердцах да ушел восвояси.*

2

*– А зря ты, мужичок, так расстроился скоро! –
вослед ему качнулось великое поле, –
Ты лучше б, мужичок, отрастил себе фильтры,
такие как бы жабры против мути и пыли,*

*против шипа и хрипа, против белого шума,
против едкого дыма, против мелкого спама,
отрасти себе фильтры и плыви себе мимо,
и услышишь то, что было сказано тихо.*

*Против крика и лая, против мертвого слова,
против хитрого слова, против худа и лиха.*

*Отрасти себе фильтры и пльви себе снова,
и услышишь то, что было сказано тихо.*

Имена и группы

Начало XXI века предсказуемо развалило большинство литературных групп и сообществ, имевших в своей основе личное общение. Отсутствие времени, обусловленное увеличившимся темпом жизни, а также и дань информационным технологиям – все это привело к тому, что литературные сообщества переродились в основном либо в «старые дружбы», либо в «сетевые литературные порталы». Разная степень амбициозности виртуальных поэтических клубов создала необходимую при повышенном спросе возможность выбора для тех, кто собрался как-то обрести себя в литературном процессе. Есть места для авторов любой степени профессиональности во владении языком, любого образовательного ценза, принадлежности к той или иной форме поэтического бытия.

С одной стороны, большинство таких сетевых сообществ представляют собой «братские могилы» имен и строк, где хорошее и перспективное погребено под «самотеком» и «самопалом» новообращенных поэтов. С другой стороны, уже сейчас постепенно проклевываются на этой почве ростки критики, полемики о качестве литературного ремесла и здравые размышления о квалифицированной помощи серьезно настроенным на творческий рост авторам. Оптимистичное употребление законов диалектики позволяет надеяться на то, что в конечном итоге мировая Сеть наконец «отфильтруется» окончательно, и в ней возникнет своя иерархия, которая на самом деле сможет способствовать продвижению к читателю сильных имен и произведений, не теряя при этом свойств «социально-литературного лифта», позволяющего автору «пробиться» из новичков в корифеи, если он и его творчество обладают необходимыми для этого данными.

Естественно, прогнозируется и «сопротивление материала», которое всегда происходит, когда образуются «ребра» новой структуры и сетка иерархических условностей. Большинство, стремящееся компенсировать ту самую недостаточность в общении, которая и образует нынешнее «социальное одиночество», будет стремиться к «равноправью». Но это естественно и не должно вызывать особого беспокойства, так как в конечном итоге в литературе побеждает востребованность автора и его произведения, а не его умение «себя подать». Как бы ни были агрессивны и громогласны противники Ахматовой и Цветаевой, Высоцкого и Окуджавы, имена их уже сейчас, менее, чем за сто лет, оказались погребены под завалами Истории. И, сколько бы нервов они когда-то ни попортили талантам, на судьбу их в литературе никакого влияния оказать не смогли. Разве что добавили популярности.

Особую роль – абсолютно положительную – в нынешней ситуации Сеть играет в плане поддержки и выявления талантливых поэтов, проживающих в отдаленных российских регионах. В этом смысле она куда более демократична и полезна, чем любая ранее существовавшая система. Проваливается пока только «реципиент» информационного потока: зачастую действительно сильные и оригинальные строки бывает некому оценить. Что ж – остается ждать. И по мере возможности участвовать в этом процессе, замечая то, что нельзя не замечать. На пользу ситуации идет то, что люди к литературе внимательные и обладающие вкусом на лучшее, а также реакцией на это, не ограничены в своих поисках, и зачастую их круги «сканирования и мониторинга литературного процесса» даже не пересекаются. Таким образом достигается несколько больший охват по публикациям региональных авторов, а информация о хорошем распространяется именно в тех сообществах, которые могут (и должны) оказывать поддержку литературе России.

Немало сделано и переводчиками. Хотя классический перевод, соблюдающий нормы и требования, предъявляемые к этому ремеслу, сейчас в большом упадке, но вот перевод «дружественный», основанный на личном интересе и знакомстве автора и переводчика, живет довольно полнокровной жизнью. Упомяну переводы Сергея Каратова – он, обладая тренированным слухом на талант, уже донес до российского читателя немало авторов из бывшего СНГ и российской национальной языковой «глубинки». Аналогично интересны и точны переводы поэтессы Лилии Кликич из Уфы, занимающейся поэзией Башкирии и Татарстана. Немало сделано для перевода современной украинской поэзии группой переводчиков, собирающейся под руководством Михаила Ромма. И так далее – интересующийся читатель в этой области найдет для себя много увлекательного.

Стоит упомянуть отдельно о поддержке литературных процессов, осуществляемой более традиционными методами, по-прежнему не утратившими своего значения. Не обладая достаточной информацией об этом в масштабах России, скажу лишь, что немалую роль в поддержке литературного творчества играют подвижники, организующие встречи поэтов с читателями на базах библиотек и клубов, домов культуры и даже ведомств. Подъем такого движения и число его участников, растущее медленно, но неуклонно – это признак хороший. «Не ленивый» читатель, способный дойти до зала, в котором происходит таинство живого общения автора со своими слушателями – это читатель надежный, от капризов провайдера не зависящий.

Печатные издания, ранее собиравшие вокруг себя некие избранные группы авторов, нынче не в почете. Прежде всего потому, что в один не самый прекрасный период своего существования поступились качеством ради выживания. Платные публикации не слишком одаренных, но амбициозных поэтов, может быть, и позволили изданиям остаться на плаву, но убили доверие к ним читателей. Пусть в меня бросают положенные в таких случаях камни, но ни «Новый мир», ни «Юность», ни другие аналогичные издания более не являются гарантией радости от встречи с их авторами... Кроме того, не на пользу журналам пошли и многочисленные скандалы, связанные с фактами недобросовестных публикаций недобросовестных авторов. Нарушения авторских прав, факты плагиата, проведения ангажированных судейств на ангажированных конкурсах, учреждения бессмысленных премий – все это срубило доверие к творческому печатному слову не менее, чем к слову журналистскому. Потребуется немало времени и усилий, чтобы ситуацию исправить – возможно, это произойдет после того, как общество полностью откажется от прежних печатных авторитетов и породит новые. Увидим.

Резюмируя сказанное.

Прежде всего, надо радоваться в новое время тому, что поэзия как пространство со своими законами не утратила самобытности и индивидуальных отличительных признаков – она все еще вполне самостоятельный жанр литературы. Многие другие жанры пострадали от появления техники: театр последовательно «подламывается» появлением кино, телевидения и видео, настоящее кино размывается появлением «u-tube» и подобных самодеятельных технологий создания видеоряда, в музыку хлынули «механические сэмплы», изобразительное искусство стонет под тяжестью «компьютерной графики»...

Но язык по-прежнему изначален. Слово традиционно ничем не заменяемо, несмотря даже на попытки ввести в обиход «упрощенный сетевой новояз». На место отмирающим ассоциациям упорно приходят новые. Ассоциативные ряды укорачиваются, но со временем восстанавливаются.

Сегодня не время «протестной» поэзии либо поэзии «чистого чувства» и «чистой красоты». Мы имеем право говорить о становлении поэзии «осмысления и озарения», которая находится где-то в начале своего пути, и еще не дала самых высоких образчиков нового направления. Как всегда, в этом процессе должно синтезироваться в разумных пропорциях все: и новое в сознании поколений, и новое в отношении к миру, и умение адаптировать без потерь для себя и читателя те символы, которые составили золотой фонд человеческой цивилизации, и умение выждать, выносить в себе результат.

Для того, чтобы процесс синтеза осуществился, ему требуются известные условия: одиночество и пустыня. И то, и другое есть сегодня у поэзии пострепрессионизма. Подождем.